

## The facts in the case of M. Valdemar

**O**f course I shall not pretend to consider it any matter for wonder that the extraordinary case of M. Valdemar has excited discussion. It would have been a miracle had it not — especially under the circumstances. Through the desire of all parties concerned to keep the affair from the public, at least for the present, or until we had further opportunities for investigation — through our endeavours to effect this — a garbled or exaggerated account made its way into society, and became the source of many unpleasant misrepresentations; and, very naturally, of a great deal of disbelief.

It is now rendered necessary that I give the *facts* — as far as I comprehend them myself. They are, succinctly, these: —

My attention, for the last three years, had been repeatedly drawn to the subject of mesmerism; and, about nine months ago, it occurred to me, quite suddenly, that in the series of experiments made hitherto, there had been a very remarkable and most unaccountable omission — no person had as yet been mesmerised *in articulo mortis*. It remained to be seen, first, whether, in such condition, there existed in the patient any susceptibility to the magnetic influence; secondly, whether, if any existed, it was impaired or increased by the condition; thirdly, to what extent, or for how long a period, the encroachments of Death might be arrested by the process. There were other points to be ascertained, but these most excited my curiosity —

## Что случилось с господином Вальдемаром

**Я** ничуть не удивляюсь тому, что необычайное происшествие с господином Вальдемаром наделало столько шума. Было бы чудом, если бы этого не случилось — особенно при данных обстоятельствах. Несмотря на желание всех заинтересованных лиц скрыть это дело от публики, по крайней мере на время, до более обстоятельного исследования, несмотря на все наши старания в этом смысле, искаженные или преувеличенные слухи о нем распространились и послужили источником разных нелепостей и в то же время, естественно, возбудили недоверие.

Это обстоятельство заставляет меня сообщить факты в том виде, насколько они известны мне самому. Вот они вкратце.

В последние три года я много занимался месмеризмом, а месяцев девять тому назад мне совершенно неожиданно пришло в голову, что в массе опытов, проводившихся до недавна, есть поразительное и непонятное упущение: до сих пор никто не был месмеризован *in articulo mortis*<sup>1</sup>. Интересно было бы узнать, во-первых, доступен ли такой пациент месмерическому влиянию; во-вторых, если доступен, то усиливается ли оно или ослабляется при данных условиях; в-третьих, до какой степени и как долго разрушительная деятельность смерти может быть задержана месмерическим состоянием? Можно было бы выяснить и различные

---

<sup>1</sup> В состоянии агонии (*лат.*).

the last in especial, from the immensely important character of its consequences.

In looking around me for some subject by whose means I might test these particulars, I was brought to think of my friend, M. Ernest Valdemar, the well-known compiler of the 'Bibliotheca Forensica,' and author (under the *nom de plume* of Issachar Marx) of the Polish versions of 'Wallenstein' and 'Gargantua.' M. Valdemar, who has resided principally at Harlem, N. Y., since the year 1839, is (or was) particularly noticeable for the extreme spareness of his person — his lower limbs much resembling those of John Randolph; and, also, for the whiteness of his whiskers, in violent contrast to the blackness of his hair — the latter, in consequence, being very generally mistaken for a wig. His temperament was markedly nervous, and rendered him a good subject for mesmeric experiment. On two or three occasions I had put him to sleep with little difficulty, but was disappointed in other results which his peculiar constitution had naturally led me to anticipate. His will was at no period positively, or thoroughly, under my control; and in regard to *clairvoyance*, I could accomplish with him nothing to be relied upon. I always attributed my failure at these points to the disordered state of his health. For some months previous to my becoming acquainted with him, his physicians had declared him in a confirmed phthisis. It was his custom, indeed, to speak calmly of his approaching dissolution, as of a matter neither to be avoided nor regretted.

When the ideas to which I have alluded first occurred to me, it was of course very natural that I should think of M. Valdemar. I knew the steady philosophy of the man too well to apprehend any scruples from *him*; and he had no relatives in America who would be likely to interfere. I spoke to him frankly upon the subject; and, to my surprise, his interest seemed vividly excited. I say to my surprise; for, although he had always yielded his person freely to my experiments, he had never before given me any tokens of sympathy with what I did. His disease was of that character which would admit of exact calculation in respect to the epoch of its termination in death; and it was finally

другие вопросы, но вышеперечисленные особенно интересовали меня; главным образом последний — ввиду его важного значения.

Раздумывая, где бы найти подходящего пациента, я вспомнил о своем приятеле, мистере Вальдемаре, известном составителе компиляций для «*Bibliotheca Forensica*»<sup>1</sup> и переводчице (под псевдонимом Иссахара Маркса) «Валленштейна» и «Гаргантюа». Господин Вальдемар, проживавший с 1839 года главным образом в Гарлеме, штат Нью-Йорк, замечателен (точнее, был замечателен) своей крайней худобой — ноги у него не толще, чем у Джона Рандольфа. Другая замечательная особенность его наружности — совершенно седые, белые усы, представлявшие резкий контраст с черными как смоль волосами, из-за чего многие думали, что он носит парик.

Крайняя нервозность делала его весьма подходящим объектом для месмерических опытов. Раза два или три я усыплял его без всяких затруднений, но совершенно разочаровался в результатах. Воля его никогда полностью не подчинялась моему контролю, а в отношении ясновидения опыты оказались совсем неудачными. Я приписывал эти неудачи его расстроенному здоровью. За несколько месяцев до нашего знакомства врачи определили у него чахотку. Впрочем, он совершенно спокойно говорил о своей близкой кончине как о неизбежном событии, которое нельзя отклонить и о котором не стоит горевать.

Когда вышеупомянутая идея пришла мне в голову, я, естественно, вспомнил о Вальдемаре. Я слишком хорошо знал его философские взгляды, чтобы опасаться каких-либо предрассудков с его стороны; а родственников у него не было, по крайней мере в Америке. Итак, я решил поговорить с ним откровенно. На удивление, он отнесся к моему плану с большим сочувствием и интересом. Я говорю: на удивление, так как хотя он всегда охотно соглашался на мои эксперименты, но никогда не обнаруживал интереса к ним. Болезнь его была такого рода, что позволяла точно опре-

---

<sup>1</sup> Судебная библиотека (лат.).

arranged between us that he would send for me about twenty-four hours before the period announced by his physicians as that of his decease.

It is now rather more than seven months since I received, from M. Valdemar himself, the subjoined note: —

*'My dear P — , You may as well come now. D — and F — are agreed that I cannot hold out beyond to-morrow midnight; and I think they have hit the time very nearly.*

*Valdemar.'*

I received this note within half-an-hour after it was written, and in fifteen minutes more I was in the dying man's chamber. I had not seen him for ten days, and was appalled by the fearful alteration which the brief interval had wrought in him. His face wore a leaden hue; the eyes were utterly lustreless; and the emaciation was so extreme, that the skin had been broken through by the cheek-bones. His expectoration was excessive. The pulse was barely perceptible. He retained, nevertheless, in a very remarkable manner, both his mental power and a certain degree of physical strength. He spoke with distinctness — took some palliative medicines without aid — and, when I entered the room, was occupied in pencilling memoranda in a pocket-book. He was propped up in the bed by pillows. Doctors D — and F — were in attendance. After pressing Valdemar's hand, I took these gentlemen aside, and obtained from them a minute account of the patient's condition. The left lung had been for eighteen months in a semi-osseous or cartilaginous state, and was, of course, entirely useless for all purposes of vitality. The right, in its upper portion, was also partially, if not thoroughly, ossified, while the lower region was merely a mass of purulent tubercles, running one into another. Several extensive perforations existed; and, at one point, permanent adhesion to the ribs had taken place. These appearances in the right lobe were of comparatively recent date. The ossification had proceeded with very unusual rapidity; no sign of it had been discovered a month before, and the adhesion had only been observed during the three previous days. Independently of

делить день кончины. Итак, мы решили, что он придет за мною за сутки до того момента, когда, по определению врачей, должен будет умереть.

Около семи месяцев тому назад я получил от самого мистера Вальдемара следующую записку:

*«Дорогой П. Теперь вы можете явиться. Д. и Ф. говорят, что я умру самое позднее завтра, к полуночи; и я думаю, что они довольно точно определили момент моей смерти.*

*Вальдемар».*

Я получил эту записку через полчаса после того, как она была написана, а четверть часа спустя уже входил в комнату умирающего. Я не видел его десять дней и был поражен страшной переменой, произошедшей за такой короткий промежуток времени. Лицо его было свинцового цвета, глаза утратили всякий блеск, а худоба дошла до того, что скуловые кости выпирали сквозь кожу. Мокрота душила его. Пульс был почти не заметен. Тем не менее он сохранил в замечательной степени как умственные способности, так и физическую силу. Вальдемар говорил ясно, принимал лекарство без посторонней помощи и в момент моего прихода отмечал что-то в записной книжке. Он полулежал на кровати, опираясь на груды подушек. Доктор Д. и доктор Ф. находились при больном.

Пожав Вальдемару руку, я отозвал этих господ в сторонку и подробно расспросил их о состоянии больного. Левое легкое уже восемнадцать месяцев находилось в состоянии полного окостенения и совсем перестало функционировать; верхняя часть правого тоже почти или вполне окостенела, а нижняя представляла сплошную массу гниющих туберкул. В одном месте она приросла к ребрам; можно было констатировать также значительные прободения. Эти изменения в правом легком произошли сравнительно недавно. Окостенение развивалось стремительно: еще месяц тому ни малейших признаков его не было заметно, а сращение с ребрами произошло в течение последних трех

the phthisis, the patient was suspected of aneurism of the aorta; but on this point the osseous symptoms rendered an exact diagnosis impossible. It was the opinion of both physicians that M. Valdemar would die about midnight on the morrow (Sunday). It was then seven o'clock on Saturday evening.

On quitting the invalid's bedside to hold conversation with myself, Doctors D — and F — had bidden him a final farewell. It had not been their intention to return; but, at my request, they agreed to look in upon the patient about ten the next night.

When they had gone, I spoke freely with M. Valdemar on the subject of his approaching dissolution, as well as, more particularly, of the experiment proposed. He still professed himself quite willing and even anxious to have it made, and urged me to commence it at once. A male and a female nurse were in attendance; but I did not feel myself altogether at liberty to engage in a task of this character with no more reliable witnesses than these people, in case of sudden accident, might prove. I therefore postponed operations until about eight the next night, when the arrival of a medical student, with whom I had some acquaintance (Mr. Theodore L — I), relieved me from further embarrassment. It had been my design, originally, to wait for the physicians; but I was induced to proceed, first, by the urgent entreaties of M. Valdemar, and secondly, by my conviction that I had not a moment to lose, as he was evidently sinking fast.

Mr. L — I was so kind as to accede to my desire that he would take notes of all that occurred; and it is from his memoranda that what I now have to relate is, for the most part, either condensed or copied *verbatim*.

It waited about five minutes of eight when, taking the patient's hand, I begged him to state, as distinctly as he could, to Mr. L — I, whether he (M. Valdemar) was entirely willing that I should make the experiment of mesmerising him in his then condition.

He replied feebly, yet quite audibly, 'Yes, I wish to be mesmerised' — adding immediately afterwards, 'I fear you have deferred it too long.'

While he spoke thus, I commenced the passes which I had already found most effectual in subduing him. He was evidently influenced with the first lateral stroke of my hand

дней. Независимо от чахотки пациент обнаруживал признаки аневризмы аорты, но точный диагноз в этом отношении нельзя было поставить вследствие процесса окостенения. По мнению обоих врачей, мистер Вальдемар должен был умереть завтра (в воскресенье) в полночь. Сегодня была суббота, семь часов вечера.

Оставляя больного, чтобы поговорить со мной, врачи простились с ним, так как не рассчитывали вернуться. Я, однако, убедил их зайти завтра в десять часов вечера.

Когда они ушли, я заговорил с мистером Вальдемаром о его близкой кончине и о предполагаемом опыте. Он по-прежнему соглашался на опыт, даже принимал его близко к сердцу, уговаривая меня начать немедленно. При нем находились сиделка и служитель, но я затруднялся начинать подобный опыт, не имея под рукой более надежных свидетелей. Итак, я решил подождать и приступил к опыту только на следующий день, в восемь часов вечера, когда к больному зашел один мой знакомый студент-медик, мистер Л. Я хотел было дождаться врачей, но настоятельные просьбы господина Вальдемара и собственное убеждение, что нельзя терять ни минуты, заставили меня решиться.

Господин Л. был так любезен, что согласился вести протокол опыта: его заметки я и публикую теперь, местами дословно, местами в сокращенном изложении.

Было без пяти минут восемь, когда я взял пациента за руку и попросил его заявить господину Л. как можно яснее, желает ли он (господин Вальдемар) подвергнуться месмерическому опыту в своем теперешнем состоянии.

Он отвечал слабым, но совершенно четким голосом: «Да, я желаю подвергнуться месмеризации, — и тотчас прибавил. — Боюсь, что вы опоздаете с опытом».

Между тем я начал делать пассы, те именно, которые в прежних моих опытах всегда действовали на него. Бокое движение руки вдоль его лба подействовало сразу, но только в первый момент; никаких дальнейших результатов не получилось, хотя я напрягал все свои силы. В десять ча-



across his forehead; but although I exerted all my powers, no further perceptible effect was induced until some minutes after ten o'clock, when Doctors D — and F — called, according to appointment. I explained to them, in a few words, what I designed, and as they opposed no objection, saying that the patient was already in the death agony, I proceeded without hesitation — exchanging, however, the lateral passes for downward ones, and directing my gaze entirely into the right eye of the sufferer.

By this time his pulse was imperceptible and his breathing was stertorous, and at intervals of half a minute.

This condition was nearly unaltered for a quarter of an hour. At the expiration of this period, however, a natural, although a very deep sigh, escaped the bosom of the dying man, and the stertorous breathing ceased — that is to say, its stertorousness was no longer apparent; the intervals were undiminished. The patient's extremities were of an icy coldness.

At five minutes before eleven I perceived unequivocal signs of the mesmeric influence. The glassy roll of the eye was changed for that expression of uneasy *inward* examination which is never seen except in cases of sleep-waking, and which it is quite impossible to mistake. With a few rapid lateral passes I made the lids quiver, as in incipient sleep, and with a few more I closed them altogether. I was not satisfied, however, with this, but continued the manipulations vigorously, and with the fullest exertion of the will, until I had completely stiffened the limbs of the slumberer, after placing them in a seemingly easy position. The legs were at full length; the arms were nearly so, and reposed on the bed at a moderate distance from the loins. The head was very slightly elevated.

When I had accomplished this, it was fully midnight, and I requested the gentlemen present to examine M. Valdemar's condition. After a few experiments, they admitted him to be in an unusually perfect state of mesmeric trance. The curiosity of both the physicians was greatly excited. Dr. D — resolved at once to remain with the patient all night, while Dr. F — took leave with a promise to return at day break. Mr. L — I and the nurses remained.

We left M. Valdemar entirely undisturbed until about three o'clock in the morning, when I approached him, and found him in precisely the same condition as when Dr. F — went away —

сов явились доктора Д. и Ф. Я в немногих словах объяснил им свой план и, так как они ничего не имели против, говоря, что больной уже кончается, продолжил пассы, переменив боковое движение руки на продольное и уставившись в правый глаз больного.

Пульс его был теперь совсем незаметен, дыхание хрипелое, с промежутками в полминуты.

Это состояние оставалось почти неизменным в течение четверти часа. Затем глубокий вздох вырвался из груди умирающего, хрипы прекратились, но дыхание еще было заметно с такими же промежутками. Конечности пациента похолодели как лед.

Было без пяти минут одиннадцать, когда я заметил несомненные признаки месмерического влияния. Стекланный взгляд сменился особенным выражением внутреннего созерцания, которое я замечал только у сомнамбул и насчет которого невозможно ошибиться. Несколько быстрых боковых пассов вызвали дрожание век, как у засыпающего, спустя минуту глаза совсем закрылись. Я, однако, не удовлетворился этим, а продолжил свои манипуляции, напрягая все силы, пока не заоченели члены больного, которым я придал положение, казавшееся мне самым удобным. Ноги были вытянуты во всю длину, руки уложены вдоль тела, на некотором расстоянии от него; голова немного приподнята.

Когда я закончил, была уже полночь. Я попросил врачей освидетельствовать Вальдемара. Они объявили, что больной находится в глубоком месмерическом транссе. Любопытство их было возбуждено. Доктор Д. решил остаться при больном на всю ночь, доктор Ф. ушел, но обещал зайти рано утром. Остались мистер Л., сиделка и служитель.

Мы оставили Вальдемара в покое до трех часов утра, когда я подошел к нему и убедился, что состояние больного ничуть не изменилось после ухода доктора Ф. Вальдемар лежал в той же позе; пульс был незаметен; дыхание очень слабое, его можно было заметить, только прикладывая зер-

that is to say, he lay in the same position. The pulse was imperceptible; the breathing was gentle (scarcely noticeable, unless through the application of a mirror to the lips); the eyes were closed naturally; and the limbs were as rigid and as cold as marble. Still, the general appearance was certainly not that of death.

As I approached M. Valdemar I made a kind of half effort to influence his right arm into pursuit of my own, as I passed the latter gently to and fro above his person. In such experiments with this patient I had never perfectly succeeded before, and assuredly I had little thought of succeeding now; but to my astonishment, his arm very readily, although feebly, followed every direction I assigned it with mine. I determined to hazard a few words of conversation.

'M. Valdemar,' I said, 'are you asleep?' He made no answer, but I perceived a tremor about the lips, and was thus induced to repeat the question, again and again. At its third repetition, his whole frame was agitated by a very slight shivering; the eyelids unclosed themselves so far as to display a white line of a ball; the lips moved sluggishly, and from between them, in a barely audible whisper, issued the words —

'Yes; asleep now. Do not wake me! — let me die so!'

I here felt the limbs and found them as rigid as ever. The right arm, as before, obeyed the direction of my hand. I questioned the sleep-waker again —

'Do you still feel pain in the breast, M. Valdemar?'

The answer now was immediate, but even less audible than before —

'No pain — I am dying.'

I did not think it advisable to disturb him further just then, and nothing more was said or done until the arrival of Dr. F — , who came a little before sunrise, and expressed unbounded astonishment at finding the patient still alive. After feeling the pulse and applying a mirror to the lips, he requested me to speak to the sleep-waker again. I did so, saying —

'M. Valdemar, do you still sleep?'

As before, some minutes elapsed ere a reply was made; and during the interval the dying man seemed to be collecting his

кало к губам, члены окоченевшие, холодные, как мрамор. Но смерть, очевидно, еще не наступила.

Подойдя к больному, я попытался заставить его правую руку двигаться по разным направлениям вслед за моей рукой. Я и раньше проводил этот опыт, но всегда безуспешно, а теперь и подавно не рассчитывал на успех. Но, к крайнему моему удивлению, рука больного исполняла вслед за моей целый ряд движений, правда, медленно, но послушно. Тогда я решился заговорить с пациентом.

— Господин Вальдемар, — спросил я, — вы спите?

Он не отвечал, но я заметил, что губы его задрожали, и повторил вопрос несколько раз. После третьего раза легкая дрожь пробежала по его телу, веки приподнялись так, что можно было разглядеть белую линию глазного яблока, губы тихонько зашевелились и произнесли чуть слышным шепотом:

— Да, теперь заснул. Не будите меня! Оставьте умереть в этом состоянии.

Я пощупал конечности, они, как и раньше, казались окоченевшими. Правая рука по-прежнему следовала за движениями моей руки. Я снова спросил:

— Вы все еще чувствуете боль в груди, господин Вальдемар?

На этот раз ответ последовал немедленно, но еще более слабым голосом:

— Никакой боли, я умираю.

Я не хотел больше тревожить его и оставил в покое до прихода доктора Ф., который явился на рассвете и был очень удивлен, застав пациента еще в живых. Пощупав ему пульс и приложив к губам зеркало, он попросил меня предложить больному какой-нибудь вопрос. Я послушался и спросил:

— Господин Вальдемар, вы все еще спите?

Как и раньше, прошло несколько минут, пока умирающий ответил. Казалось, он собирался с силами. Только ког-

energies to speak. At my fourth repetition of the question, he said very faintly, almost inaudibly —

‘Yes; still asleep — dying.’

It was now the opinion, or rather the wish, of the physicians, that M. Valdemar should be suffered to remain undisturbed in his present apparently tranquil condition, until death should supervene — and this, it was generally agreed, must now take place within a few minutes. I concluded, however, to speak to him once more, and merely repeated my previous question.

While I spoke, there came a marked change over the countenance of the sleep-waker. The eyes rolled themselves slowly open, the pupils disappearing upwardly; the skin generally assumed a cadaverous hue, resembling not so much parchment as white paper; and the circular hectic spots which, hitherto, had been strongly denuded in the centre of each cheek, *went out* at once. I use this expression, because the suddenness of their departure put me in mind of nothing so much as the extinguishment of a candle by a puff of the breath. The upper lip, at the same time, writhed itself away from the teeth, which it had previously covered completely; while the lower jaw fell with an audible jerk, leaving the mouth widely extended, and disclosing in full view the swollen and blackened tongue. I presume that no member of the party then present had been unaccustomed to death-bed horrors; but so hideous beyond conception was the appearance of M. Valdemar at this moment, that there was a general shrinking back from the region of the bed.

I now feel that I have reached a point of this narrative at which every reader will be startled into positive disbelief. It is my business, however, simply to proceed.

There was no longer the faintest sign of vitality in M. Valdemar; and concluding him to be dead, we were consigning him to the charge of the nurses, when a strong vibratory motion was observable in the tongue. This continued for perhaps a minute. At the expiration of this period, there issued from the distended and motionless jaws a voice — such as it would be madness in me to attempt describing. There are, indeed, two or three epithets which might be considered as applicable to it in part; I might say, for example, that the sound was harsh, and broken, and hollow; but

да я повторил вопрос в четвертый раз, последовал почти неслышный ответ:

— Все еще сплю — умираю.

Врачи находили нужным — вернее, желали — оставить Вальдемара в этом состоянии, по-видимому спокойном, до самой смерти, которая должна была наступить через несколько минут. Я, однако, решил поговорить с ним еще и повторил прежний вопрос.

Пока я говорил, состояние больного резко изменилось. Веки медленно приподнялись, глаза закрылись, кожа помертвела, побелел как бумага; характерные чашоточные пятна, резко выделявшиеся на щеках, внезапно погасли. Я употребляю это выражение, потому что они исчезли мгновенно, как гаснет свечка, если на нее дунуть. В то же время верхняя губа приподнялась над зубами, нижняя отвисла, и рот широко открылся, обнаружив распухший, почерневший язык. Кажется, нам было не привыкать к покойникам, тем не менее при виде этого отвратительного и ужасного зрелища все бросились прочь от кровати.

Теперь я достиг такого пункта в моем рассказе, который, чувствую, вызовет недоверие читателя. Но мне остается только спокойно продолжать.

Тело господина Вальдемара не обнаруживало ни малейших признаков жизни; и мы уже хотели поручить его попечению сиделки и служителя, как вдруг заметили, что язык покойника дрожит. Это продолжалось с минуту. Затем из разинутых, неподвижных челюстей раздался голос... но всякая попытка описать его была бы безумием. Есть два-три эпитета, которые подходят сюда отчасти: голос был хриплый, глухой, разбитый, но в целом этот ужасный звук не поддается описанию по той простой причине, что ухо человеческое еще никогда не слыхало подобных звуков. Были, однако, в нем две особенности, которые я считал и считаю наиболее характерными, так как они могут дать некоторое представление о его нездешнем характере. Во-первых, он

the hideous whole is indescribable, for the simple reason that no similar sounds have ever jarred upon the ear of humanity. There were two particulars, nevertheless, which I thought then, and still think, might fairly be stated as characteristic of the intonation — as well adapted to convey some idea of its unearthly peculiarity. In the first place, the voice seemed to reach our ears — at least mine — from a vast distance, or from some deep cavern within the earth. In the second place, it impressed me (I fear, indeed, that it will be impossible to make myself comprehended) as gelatinous or glutinous matters impress the sense of touch.

I have spoken both of 'sound' and of 'voice.' I mean to say that the sound was one of distinct — of even wonderfully, thrillingly distinct — syllabification. M. Valdemar *spoke* — obviously in reply to the question I had propounded to him a few minutes before. I had asked him, it will be remembered, if he still slept. He now said —  
'Yes — no — I *have been* sleeping — and now — now — I *am dead*.'

No person present even affected to deny, or at tempted to repress, the unutterable, shuddering horror which these few words, thus uttered, were so well calculated to convey. Mr. L — I (the student) swooned. The nurses immediately left the chamber, and could not be induced to return. My own impressions I would not pretend to render intelligible to the reader. For nearly an hour, we busied ourselves, silently — without the utterance of a word — in endeavours to revive Mr. L — I. When he came to himself, we addressed ourselves again to an investigation of M. Valdemar's condition.

It remained in all respects as I have last described it, with the exception that the mirror no longer afforded evidence of respiration. An attempt to draw blood from the arm failed. I should mention, too, that this limb was no further subject to my will. I endeavoured in vain to make it follow the direction of my hand. The only real indication, indeed, of the mesmeric influence was now found in the vibratory movement of the tongue, whenever I addressed M. Valdemar a question. He seemed to be making an effort to reply, but had no longer sufficient volition. To queries put to him by any other person than myself he seemed utterly insensible — although I endeavoured to place each

достигал наших — по крайней мере моих — ушей словно издали или из какой-нибудь глубокой подземной пещеры. Во-вторых (не знаю, понятно ли будет это сравнение), он действовал на мой слух, как прикосновение какого-нибудь студенистого липкого тела к коже.

Я употребляю выражения «звук» и «голос». Я хочу сказать этим, что звук был ясно — даже удивительно отчетливо — членораздельный. Господин Вальдемар говорил, очевидно отвечая на вопрос, который я только что задал ему. Если помнит читатель, я спрашивал, спит ли он еще. Теперь он ответил:

— Да... нет... я спал... а теперь... теперь... я умер.

Никто из присутствующих даже не попытался преодолеть чувство невыразимого, пронизывающего ужаса, овладевшего нами при этих словах. Л. (студент) лишился чувств. Служитель и сиделка бросились вон из комнаты.

Свои ощущения я и не пытаюсь передать. Битый час мы возились — молча, без единого слова, — стараясь привести в чувство господина Л. Когда он пришел в себя, мы снова обратились к господину Вальдемару.

Тело оставалось совершенно в том же виде, как я его описывал, с той лишь разницей, что зеркало не обнаруживало признаков дыхания. Попытка пустить кровь из руки осталась безуспешной. Отмечу также, что рука его не повиновалась больше моей воле. Я тщетно старался заставить ее следовать за движениями моей руки.

Единственным признаком месмерического влияния было дрожание языка, замечавшееся всякий раз, когда я обращался к господину Вальдемару с вопросом. По-видимому, он пытался, но не в силах был ответить. Вопросы, предлагаемые другими лицами, видимо, не производили на него никакого впечатления, хотя я пытался поставить каждого из присутствующих в месмерическое отношение с ним. Теперь, кажется, я сообщил все, что можно было сказать в эту минуту о состоянии Вальдемара. Мы на-



member of the company in mesmeric *rapport* with him. I believe that I have now related all that is necessary to an understanding of the sleep-waker's state at this epoch. Other nurses were procured; and at ten o'clock I left the house in company with the two physicians and Mr. L — I.

In the afternoon we all called again to see the patient. His condition remained precisely the same. We had now some discussion as to the propriety and feasibility of awakening him; but we had little difficulty in agreeing that no good purpose would be served by so doing. It was evident that, so far, death (or what is usually termed death) had been arrested by the mesmeric process. It seemed clear to us all that to awaken M. Valdemar would be merely to insure his instant, or at least his speedy dissolution.

From this period until the close of last week — *an interval of nearly seven months* — we continued to make daily calls at M. Valdemar's house, accompanied, now and then, by medical and other friends. All this time the sleep-waker remained *exactly* as I have last described him. The nurses' attentions were continual.

It was on Friday last that we finally resolved to make the experiment of awakening, or attempting to awaken him; and it is the (perhaps) unfortunate result of this latter experiment which has given rise to so much discussion in private circles — to so much of what I cannot help thinking unwarranted popular feeling.

For the purpose of relieving M. Valdemar from the mesmeric trance, I made use of the customary passes. These for a time were unsuccessful. The first indication of revival was afforded by a partial descent of the iris. It was observed, as especially remarkable, that this lowering of the pupil was accompanied by the profuse outflowing of a yellowish ichor (from beneath the lids) of a pungent and highly offensive odour.

It was now suggested that I should attempt to influence the patient's arm as heretofore. I made the attempt and failed. Dr. F — then intimated a desire to have me put a question. I did so, as follows —

'M. Valdemar, can you explain to us what are your feelings or wishes now?'

There was an instant return of the hectic circles on the cheeks; the tongue quivered, or rather rolled violently in the mouth

шли новую сиделку (так как старая ни за что не хотела возвращаться), и в десять часов я ушел вместе с врачами и господином Л.

После обеда мы вернулись к пациенту. Он оставался все в том же положении. Мы стали обсуждать, стоит ли его будить, но скоро согласились, что это совершенно лишнее. Ясно было, что смерть (или то, что обыкновенно называют смертью) остановлена месмерическим процессом. Разбудив господина Вальдемара, мы только вызвали бы мгновенное или по крайней мере быстрое разрушение его тела. С этого дня до прошлой недели — в течение семи месяцев — мы ежедневно навещали господина Вальдемара, иногда в сопровождении других врачей или просто знакомых. Все это время состояние пациента оставалось таким же, как я его описал. Сиделка постоянно находилась при нем.

В пятницу на прошлой неделе мы решились наконец разбудить его — по крайней мере сделать попытку. Вот эта-то злополучная (быть может) попытка дала повод таким преувеличенным толкам, такому, смею выразиться, стихийному возбуждению толпы.

Для пробуждения господина Вальдемара я прибегнул к обычным пассам. Сначала они не возымели действия. Первым признаком оживления было опускание радужной оболочки, которое сопровождалось обильным выделением отвратительного зловонного гноя (из-под век).

Мне посоветовали испытать силу месмерического влияния над рукой пациента, как я делал раньше. Однако попытка не удалась. Тогда доктор Ф. попросил меня задать пациенту вопрос. Я послушался и спросил:

— Господин Вальдемар, как вы себя чувствуете? Не нужно ли вам чего?

На мгновение чахоточные пятна снова выступили на щеках, язык дрогнул и высунулся изо рта (хотя челюсти и губы оставались по-прежнему неподвижными), и тот же ужасный голос прохрипел:

(although the jaws and lips remained rigid as before); and at length the same hideous voice which I have already described, broke forth —

‘For God’s sake! — quick! — quick — put me to sleep — or quick! — waken me! — quick! — I *say to you that I am dead!*’

I was thoroughly unnerved, and for an instant remained undecided what to do. At first I made an endeavour to re-compose the patient; but, failing in this through total abeyance of the will, I retraced my steps, and as earnestly struggled to awaken him. In this attempt I soon saw that I should be successful — or at least I soon fancied that my success would be complete — and I am sure that all in the room were prepared to see the patient awaken.

For what really occurred, however, it is quite impossible that any human being could have been prepared.

As I rapidly made the mesmeric passes, amid ejaculations of ‘Dead! dead!’ absolutely *bursting* from the tongue and not from the lips of the sufferer, his whole frame at once — within the space of a single minute, or even less, shrunk — crumbled — absolutely *rotted* away beneath my hands. Upon the bed, before that whole company, there lay a nearly liquid mass of loathsome — of detestable putrescence.

— Ради Бога!.. скорее!.. скорее!.. усыпите меня... или... скорее!.. разбудите!.. скорее!.. говорю вам, что я умер!

Потрясенный, я не знал, что делать. В первую минуту хотел снова усыпить его, но, потерпев неудачу, принялся снова будить. Это удалось — по крайней мере, я сейчас увидел, что успех будет полный, и уверен, что все присутствующие с минуты на минуту ожидали пробуждения.

Но могла ли хоть одна живая душа предвидеть то, что случилось?

Пока я торопливо производил пассы, а восклицания «умер! умер!» буквально срывались с языка страдальца, все его тело на моих глазах в какую-то минуту съежилось, расплзлось, буквально сгнило под моими руками. На постели перед глазами всех присутствующих оказалась отвратительная, полужидкая гнойная масса.

## Ms. found in a bottle

'Qui n'a plus qu'un moment à vivre  
N'a plus rien à dissimuler.'

*Quinault, Atys.*

**O**f my country and of my family I have little to say. Ill usage and length of years have driven me from the one, and estranged me from the other. Hereditary wealth afforded me an education of no common order, and a contemplative turn of mind enabled me to methodise the stories which early study diligently garnered up. Beyond all things, the works of the German moralists gave me a great delight; not from my ill-advised admiration of their eloquent madness, but from the ease with which my habits of rigid thought enabled me to detect their falsities. I have often been reproached with the aridity of my genius; a deficiency of imagination has been imputed to me as a crime; and the Pyrrhonism of my opinions has at all times rendered me notorious. Indeed, a strong relish for physical philosophy has, I fear, tinctured my mind with a very common error of this age — I mean the habit of referring occurrences, even the least susceptible of such reference, to the principles of that science. Upon the whole, no person could be less liable than myself to be led away from the severe precincts of truth by the *ignes fatui* of superstition. I have thought proper to premise thus much, lest the incredible tale I have to tell should be considered rather the raving of a crude imagination, than the positive experience of a mind to which the reveries of fancy have been a dead letter and a nullity.

After many years spent in foreign travel, I sailed in the year 18 — , from the port of Batavia, in the rich and populous island of Java, on a voyage to the Archipelago of the Sunda Islands. I went as passenger — having no other inducement than a kind of nervous restlessness which haunted me as a fiend.

## Рукопись, найденная в бутылке

Кому осталось жить мгновенье,  
Тот ничего не утаит.

Филипп Кино «Атис»

**О**моей родине и семье не стоит говорить. Людская несправедливость и круговорот времени принудили меня расстаться с первой и прекратить отношения со второй. Наследство дало мне возможность получить хорошее образование, а созерцательный склад ума помог привести в порядок приобретенные знания. Больше всего я увлекался произведениями германских философов; не потому, что восхищался их красноречивым безумием, — нет, мне доставляло большое удовольствие подмечать и разоблачать их слабые стороны, в чем помогала мне привычка к строгому критическому мышлению. Мой ум часто упрекали в сухости; недостаток воображения ставили мне в упрек; и я всегда славился пирроновским складом ума. Действительно, крайнее пристрастие к точным наукам заставляло меня совершать ошибку, весьма обычную в этом возрасте: я имею в виду склонность подводить под законы точных наук всевозможные явления, даже решительно неподводимые. Вообще, я менее, чем кто-либо другой, способен был променять строгие данные истины на *ignes fatui* суеверия. Я говорю об этом потому, что рассказ мой покажется кому-то скорее игрой больного воображения, чем отчетом о действительном происшествии с человеком, для которого игра воображения всегда была мертвой буквой или ничем.

Проведя несколько лет в путешествиях, я отправился в 18... году из порта Батавия, на богатом и многолюдном

Our vessel was a beautiful ship of about four hundred tons, copper-fastened, and built at Bombay of Malabar teak. She was freighted with cotton-wool and oil, from the Lachadive Islands. We had also on board coir, jaggeree, ghee, cocoa-nuts, and a few cases of opium. The stowage was clumsily done, and the vessel consequently crank.

We got under way with a mere breath of wind, and for many days stood along the eastern coast of Java, without any other incident to beguile the monotony of our course than the occasional meeting with some of the small grabs of the Archipelago to which we were bound.

One evening, leaning over the taffrail, I observed a very singular isolated cloud, to the N.W. It was remarkable, as well for its colour, as from its being the first we had seen since our departure from Batavia. I watched it attentively until sunset, when it spread all at once to the eastward and westward, girding in the horizon with a narrow strip of vapour, and looking like a long line of low beach. My notice was soon afterwards attracted by the dusky-red appearance of the moon, and the peculiar character of the sea. The latter was undergoing a rapid change, and the water seemed more than usually transparent. Although I could distinctly see the bottom, yet, heaving the lead, I found the ship in fifteen fathoms. The air now became intolerably hot, and was loaded with spiral exhalations similar to those arising from heated iron. As night came on, every breath of wind died away, and a more entire calm it is impossible to conceive. The flame of a candle burned upon the poop without the least perceptible motion, and a long hair, held between the finger and thumb, hung without the possibility of detecting a vibration. However, as the captain said he could perceive no indication of danger, and as we were drifting in bodily to shore, he ordered the sails to be furled, and the anchor let go. No watch was set, and the crew, consisting principally of Malays, stretched themselves deliberately upon deck. I went below — not without a full presentiment of evil. Indeed, every appearance warranted me in apprehending a simoom. I told the captain my fears; but he paid no attention to what I said, and left me without deigning to give a reply. My uneasiness, however, prevented me from sleeping, and about midnight I went upon deck. As I placed my foot upon

острове Ява, к Зондскому архипелагу. Я ехал как пассажир, побуждаемый какой-то болезненной непоседливостью, которая давно уже преследовала меня.

Наш корабль представлял собой прекрасное судно водоизмещением четыреста тонн, с медными скрепами, выстроенный в Бомбее из малабарского тикового дерева. Он вез груз хлопка и масла с Лаккадивских островов, — кроме того, запас копры, кокосовых орехов и несколько ящиков опиума. Из-за небрежной погрузки корабль был очень неустойчив.

Мы тихо ползли под ветром вдоль берегов Явы, и в течение многих дней ничто не нарушало однообразия путешествия, кроме мелких суденышек, попадавших навстречу. Однажды вечером, стоя у поручней, я заметил на северо-западе странное, одинокое облако. Оно бросилось мне в глаза своим странным цветом; к тому же это было первое облако, замеченное нами после отплытия из Батавии. Я внимательно наблюдал за ним до самого заката, когда оно охватило значительную часть неба с запада на восток, в виде узкой гряды, напоминавшей низкий морской берег. Вскоре внимание мое было привлечено необычайно красным цветом луны. Море также изменилось и стало удивительно прозрачным. Я совершенно ясно различал дно, хотя лот показывал глубину в пятнадцать фантомов. Воздух был невыносимо душен и поднимался спиральными струями, как от раскаленного железа. С наступлением ночи ветер стих, и наступило глубокое, совершенное затишье. Пламя свечи, стоявшей на корме, даже не шевелилось, волосок, зажатый между большим и указательным пальцами, висел неподвижно. Как бы то ни было, капитан сказал, что не замечает никаких признаков опасности, и, так как течение относило нас к берегу, велел убрать паруса и бросить якорь. Он не счел нужным поставить вахтенных, и матросы, в основном малайцы, беспечно растянулись на палубе, а я спустился в каюту с дурными предчувствиями. Действительно, все предвещало шторм. Я сообщил о своих опасениях капитану, но он не обратил внимания на мои слова, даже не



the upper step of the companion-ladder, I was startled by a loud, humming noise, like that occasioned by the rapid revolution of a mill-wheel, and before I could ascertain its meaning, I found the ship quivering to its centre. In the next instant, a wilderness of foam hurled us upon our beam-ends, and, rushing over us fore and aft, swept the entire decks from stem to stern.

The extreme fury of the blast proved, in a great measure, the salvation of the ship. Although completely water-logged, yet, as her masts had gone by the board, she rose, after a minute, heavily from the sea, and, staggering awhile beneath the immense pressure of the tempest, finally righted.

By what miracle I escaped destruction, it is impossible to say. Stunned by the shock of the water, I found myself, upon recovery, jammed in between the stern-post and rudder. With great difficulty I gained my feet, and looking dizzily around, was at first struck with the idea of our being among breakers; so terrific, beyond the wildest imagination, was the whirlpool of mountainous and foaming ocean within which we were engulfed. After a while, I heard the voice of an old Swede, who had shipped with us at the moment of leaving port. I hallooed to him with all my strength, and presently he came reeling aft. We soon discovered that we were the sole survivors of the accident. All on deck, with the exception of ourselves, had been swept overboard; the captain and mates must have perished as they slept, for the cabins were deluged with water. Without assistance, we could expect to do little for the security of the ship, and our exertions were at first paralysed by the momentary expectation of going down. Our cable had, of course, parted like pack-thread, at the first breath of the hurricane, or we should have been instantaneously overwhelmed. We scudded with frightful velocity before the sea, and the water made clear breaches over us. The framework of our stern was shattered excessively, and, in almost every respect, we had received considerable injury; but to our extreme joy we found the pumps unchoked, and that we had made no great shifting of our ballast. The main fury of the blast had already blown over, and we apprehended little danger from the violence of the wind; but we looked forward to its total cessation with dismay, well believing, that in our shattered condition, we should inevitably perish in the tremendous swell which would ensue.

удостоил меня ответом. Беспокойство не позволило мне уснуть, и около полуночи я снова решил выйти на палубу, но еще не успел поставить ногу на верхнюю ступеньку лестницы, как раздался громкий, жужжащий гул, подобный шуму мельничного колеса, и корабль заходил ходуном. Еще мгновение — и чудовищный вал швырнул нас на бок, окатив всю палубу, от кормы до носа.

Бешеная сила урагана спасла корабль от потопления. Он наполовину погрузился в воду, но, потеряв все мачты, которые снесло за борт, тяжело вынырнул, зашатался под напором ветра и, наконец, выпрямился.

Каким чудом я избежал гибели, непонятно. Я был полностью оглушен, а когда очнулся, оказался затиснутым между румпелем и фальшбортом. С трудом поднявшись на ноги, я дико огляделся по сторонам, и в первую минуту мне показалось, что мы попали в полосу прибоя: так бешено крутились громадные валы. Немного погодя я услышал голос старого шведа, который сел на корабль в минуту отплытия из Батавии. Я отозвался, крикнув изо всех сил, и он кое-как пробрался ко мне. Вскоре мы убедились, что, кроме нас двоих, никто не пережил катастрофы. Всех находившихся на палубе смыло волной; капитан и его помощники, без сомнения, тоже погибли, так как каюты были затоплены. Вдвоем мы не могли справиться с судном, к тому же были обессилены ожиданием гибели. Якорный канат, конечно же, лопнул, как нитка, при первом натиске урагана, — иначе корабль разбился бы мгновенно. Мы неслись в море с ужасающей скоростью; волны то и дело заливали палубу. Кормовая часть сильно пострадала, да и все судно расшаталось, но, к большой нашей радости, помпы оказались неповрежденными. Ураган ослабел, утратив бешеную силу первого натиска, и мы не особенно опасались ветра, но с ужасом ожидали его полного прекращения, так как были уверены, что потрепанное судно не вынесет мертвой зыби. Однако этим опасениям не суждено было подтвердить-

But this very just apprehension seemed by no means likely to be soon verified. For five entire days and nights — during which our only subsistence was a small quantity of jaggeree, procured with great difficulty from the fore-castle — the hulk flew at a rate defying computation, before rapidly succeeding flaws of wind, which without equalling the first violence of the simoom, were still more terrific than any tempest I had before encountered. Our course for the first four days was, with trifling variations, S.E. and by S.; and we must have run down the coast of New Holland. On the fifth day the cold became extreme, although the wind had hauled round a point more to the northward. The sun arose with a sickly yellow lustre, and clambered a very few degrees above the horizon — emitting no decisive light. There were no clouds apparent, yet the wind was upon the increase, and blew with a fitful and unsteady fury. About noon, as nearly as we could guess, our attention was again arrested by the appearance of the sun. It gave out no light, properly so called, but a dull and sullen glow without reflection, as if all its rays were polarised. Just before sinking within the turgid sea, its central fires suddenly went out, as if hurriedly extinguished by some unaccountable power. It was a dim, silver-like rim, alone, as it rushed down the unfathomable ocean.

We waited in vain for the arrival of the sixth day — that day to me has not arrived — to the Swede, never did arrive. Thenceforward we were enshrouded in pitchy darkness, so that we could not have seen an object at twenty paces from the ship. Eternal night continued to envelop us, all unrelieved by the phosphoric sea-brilliance to which we had been accustomed in the tropics. We observed, too, that, although the tempest continued to rage with unabated violence, there was no longer to be discovered the usual appearance of surf, or foam, which had hitherto attended us. All around were horror, and thick gloom, and a black sweltering desert of ebony. Superstitious terror crept by degrees into the spirit of the old Swede, and my own soul was wrapped up in silent wonder. We neglected all care of the ship, as worse than useless, and securing ourselves, as well as possible, to the stump of the mizzen-mast, looked out bitterly into the world of ocean. We had no means of calculating time, nor could we form any guess of our situation. We were, however, well aware of having made farther to the southward than any previous navigators, and

ся. Пять дней и пять ночей, в течение которых мы поддерживали свое существование несколькими горстями тростникового сахара, который нам с большим трудом удалось добыть на баке, судно несло с невероятной скоростью, подгоняемое ветром, который, хотя и утратил свою первоначальную силу, но все-таки был сильнее всякого урагана, который когда-либо приходилось испытать. В первые четыре дня он дул почти все время на юг и юго-запад и, очевидно, гнал нас вдоль берегов Новой Голландии. На пятый день холод усилился до крайности, хотя ветер переменился. Солнце казалось тусклым медно-желтым пятном и поднялось над горизонтом всего на несколько градусов, почти не давая света. Облаков не было, но ветер дул с бешеным порывом. Около полудня (по нашему приблизительному расчету) внимание наше снова привлекло солнце. Собственно говоря, оно вовсе не светило, а имело вид тусклой красноватой массы без всякого блеска, как будто все лучи его были поляризованы. Перед самым закатом его центральная часть вдруг исчезла, словно погашенная какой-то сверхъестественной силой. Только матовый серебряный обруч опустился в бездонный океан.

Мы тщетно дожидались наступления шестого дня: но он не наступил ни для меня, ни для шведа. Мы оставались в непроглядной тьме, так что не могли различить ничего за двадцать шагов от корабля. Вечная ночь окружала нас, не смягчаемая даже фосфорическим блеском моря, к которому мы привыкли в тропиках. Мы заметили также, что хотя буря свирепствовала с неослабевающей яростью, волны уже не пенились и потеряли вид прибоя. Нас поглотила зловещая ночь, непроглядная тьма, удушливая, черная пустыня! Мало-помалу суеверный ужас закрался в душу старика-шведа, да и я погрузился в безмолвное уныние. Мы предоставили корабль судьбе, сознавая, что наши усилия все равно ни к чему не приведут, и, приютившись у остатка бизань-мачты, тоскливо всматрива-

felt great amazement at not meeting with the usual impediments of ice. In the meantime every moment threatened to be our last — every mountainous billow hurried to overwhelm us. The swell surpassed anything I had imagined possible, and that we were not instantly buried is a miracle. My companion spoke of the lightness of our cargo, and reminded me of the excellent qualities of our ship; but I could not help feeling the utter hopelessness of hope itself, and prepared myself gloomily for that death which I thought nothing could defer beyond an hour, as with every knot of way the ship made, the swelling of the black stupendous seas became more dismally appalling. At times we gasped for breath at an elevation beyond the albatross — at times became dizzy with the velocity of our descent into some watery hell, where the air grew stagnant, and no sound disturbed the slumbers of the kraken.

We were at the bottom of one of these abysses, when a quick scream from my companion broke fearfully upon the night. 'See! see!' cried he, shrieking in my ears, 'Almighty God! see! see!' As he spoke, I became aware of a dull, sullen glare of red light which streamed down the sides of the vast chasm where we lay, and threw a fitful brilliancy upon our deck. Casting my eyes upwards, I beheld a spectacle which froze the current of my blood. At a terrific height directly above us, and upon the very verge of the precipitous descent, hovered a gigantic ship, of perhaps four thousand tons. Although upreared upon the summit of a wave more than a hundred times her own altitude, her apparent size still exceeded that of any ship of the line or East Indiaman in existence. Her huge hull was of a deep dingy black, unrelieved by any of the customary carvings of a ship. A single row of brass cannon protruded from her open ports, and dashed from their polished surfaces the fires of innumerable battle-lanterns which swung to and fro about her rigging. But what mainly inspired us with horror and astonishment, was that she bore up under a press of sail in the very teeth of that supernatural sea, and of that ungovernable hurricane. When we first discovered her, her bows were alone to be seen, as she rose slowly from the dim and horrible gulf beyond her. For a moment of intense terror she paused upon the giddy pinnacle, as if in contemplation of her own sublimity, then trembled and tottered, and — came down.

лись в океан. Мы не могли следить за временем или определить, где находимся. Очевидно, нас занесло к югу, далее чем удавалось проникнуть кому-либо из мореплавателей. Мы удивлялись только, что не встречаем ледяной преграды. Между тем каждая минута грозила нам гибелью, исполинские валы поднимались со всех сторон. Я за всю свою жизнь не видал такого волнения. Настоящее чудо, что мы живы до сих пор.

Спутник мой приписывал это незначительности груза и старался ободрить меня, напоминая о прочности нашего корабля, но я утратил всякую надежду и в тоске готовился к смерти, ожидая ее с минуты на минуту, так как чем дальше продвигался корабль, тем яростнее бушевала зловещая черная пучина. То мы задыхались от нехватки воздуха, поднявшись выше птичьего полета, то с головокружительной скоростью летели в водяную бездну, где воздух отзывался болотной сыростью и ни единый звук не нарушал дремоты морских чудовищ.

Мы находились на дне такой бездны, когда громкое восклицание моего товарища раздалось среди ночной тьмы:

— Смотри! Смотри! — крикнул он мне в ухо. — Боже всемогущий! Смотри! Смотри!

И тут я заметил странный тусклый красноватый свет, озаривший чуть брезжущим блеском нашу палубу. Следя за ним глазами, я поднял голову и увидел зрелище, от которого кровь заледенела в моих жилах. На страшной высоте, прямо над нами, на гребне огромного вала, возвышался гигантский, тысячи в четыре тонн, корабль. Хотя высота волны раз во сто превосходила его высоту, он все-таки казался больше любого линейного корабля. Его громадный корпус был густого черного цвета, без всякой резьбы или украшений. В открытые люки высовывался ряд медных пушек, блестящие дула которых отражали свет бесчисленных фонарей, развешанных по снастям. Но больше всего поразило нас ужасом и удивлением то обстоятельство, что

At this instant, I know not what sudden self-possession came over my spirit. Staggering as far aft as I could, I awaited fearlessly the ruin that was to overwhelm. Our own vessel was at length ceasing from her struggles, and sinking with her head to the sea. The shock of the descending mass struck her, consequently, in that portion of her frame which was nearly under water, and the inevitable result was to hurl me, with irresistible violence, upon the rigging of the stranger.

As I fell, the ship hove in stays, and went about; and to the confusion ensuing I attributed my escape from the notice of the crew. With little difficulty I made my way, unperceived, to the main hatchway, which was partially open, and soon found an opportunity of secreting myself in the hold. Why I did so I can hardly tell. An indefinite sense of awe, which at first sight of the navigators of the ship had taken hold of my mind, was perhaps the principle of my concealment. I was unwilling to trust myself with a race of people who had offered to the cursory glance I had taken, so many points of vague novelty, doubt, and apprehension. I therefore thought proper to contrive a hiding-place in the hold. This I did by removing a small portion of the shifting-boards, in such a manner as to afford me a convenient retreat between the huge timbers of the ship.

I had scarcely completed my work, when a footstep in the hold forced me to make use of it. A man passed by my place of concealment with a feeble and unsteady gait. I could not see his face, but had an opportunity of observing his general appearance. There was about it an evidence of great age and infirmity. His knees tottered beneath a load of years, and his entire frame quivered under the burthen. He muttered to himself, in a low broken tone, some words of a language which I could not understand, and groped in a corner among a pile of singular-looking instruments, and decayed charts of navigation. His manner was a wild mixture of the peevishness of second childhood and the solemn dignity of a god. He at length went on deck, and I saw him no more.

\* \* \*

A feeling, for which I have no name, has taken possession of my soul — a sensation which will admit of no analysis, to which

он шел на всех парусах в этом водовороте бешеных валов под напором неукротимого вихря. В тот миг, когда мы заметили его, он медленно вздымался из мрачной зловейшей пропасти. С минуту он постоял на гребне, словно любуясь собственным великолепием, потом задрожал, пошатнулся и — рухнул вниз.

В этот момент какое-то удивительное спокойствие овладело моей душой. Я отполз как можно дальше на корму и бесстрашно ожидал падения, которое должно было потопить нас. Наш корабль уже перестал бороться и погружился носом в море. Низринувшаяся громада ударилась в ту часть, уже находившуюся под водой, причем корму, разумеется, вскинуло кверху, а меня швырнуло на снасти чужого корабля.

Вероятно, меня не заметили в суматохе. Я без труда пробрался к главному люку, который оказался незапертым, и спрятался в трюме. Почему я сделал это — сам не знаю. Неизъяснимое чувство страха при виде этих странных мореплавателей, вероятно, было тому причиной. Я не решался довериться таким странным, сомнительным, необычным людям.

Не успел я спрятаться, как послышались чьи-то шаги. Кто-то прошел мимо моего убежища неверной и слабой походкой. Я не мог разглядеть его лица, но общий вид человека указывал на преклонный возраст или недуг. Колени его дрожали, и все тело сгорбилось под бременем лет. Он что-то бормотал себе под нос слабым прерывающимся голосом, на непонятном языке, копясь в углу, в груди каких-то странных инструментов и старых морских карт. Движения его представляли удивительную смесь раздражительности впавшего в детство старика и величавого достоинства небожителя.

Наконец, он ушел на палубу, и я не видал его больше.

\* \* \*

Чувство, которому нет названия, овладело моей душой, — ощущение, не поддающееся исследованию, не име-



the lessons of bygone time are inadequate, and for which I fear futurity itself will offer me no key. To a mind constituted like my own, the latter consideration is an evil. I shall never — I know that I shall never — be satisfied with regard to the nature of my conceptions. Yet it is not wonderful that these conceptions are indefinite, since they have their origin in sources so utterly novel. A new sense — a new entity is added to my soul.

\* \* \*

It is long since I first trod the deck of this terrible ship, and the rays of my destiny are, I think, gathering to a focus. Incomprehensible men! Wrapped up in meditations of a kind which I cannot divine, they pass me by unnoticed. Concealment is utter folly on my part, for the people *will not* see. It was but just now that I passed directly before the eyes of the mate; it was no long while ago that I ventured into the captain's own private cabin, and took thence the materials with which I write, and have written. I shall from time to time continue this journal. It is true that I may not find an opportunity of transmitting it to the world, but I will not fail to make the endeavour. At the last moment I will enclose the MS. in a bottle, and cast it within the sea.

\* \* \*

An incident has occurred which has given me new room for meditation. Are such things the operation of ungoverned chance? I had ventured upon deck and thrown myself down, without attracting any notice, among a pile of ratlin-stuff and old sails, in the bottom of the yawl. While musing upon the singularity of my fate, I unwittingly daubed with a tar-brush the edges of a neatly-folded studding-sail which lay near me on a barrel. The studding-sail is now bent upon the ship, and the thoughtless touches of the brush are spread out into the word *Discovery*.

I have made many observations lately upon the structure of the vessel. Although well armed, she is not, I think, a ship of war. Her rigging, build, and general equipment, all negative a supposition of this kind. What she *is not*, I can easily perceive; what she *is*, I fear it is impossible to say. I know not how it is, but in scrutinising her strange model and singular cast of spars, her

ющее подобия в опыте прошлых лет и едва ли оно найдет разгадку в будущем. Это последнее особенно неприятно человеку с моим складом ума. Я никогда — сам знаю, что никогда, — не найду внятного объяснения моим теперешним мыслям. Не удивительно, что мысли эти не поддаются определению, раз они возникли из таких новых источников. Новое чувство, новая составная часть прибавилась к моей душе.

\* \* \*

Много времени прошло с тех пор, как я вступил на палубу этого корабля, и лучи моей судьбы, кажется, сосредоточились в одном фокусе. Непонятные люди! Погруженные в размышления, суть которых я не могу угадать, они не замечают моего присутствия. Прятаться мне нет смысла, потому что они *не хотят* меня видеть. Сейчас я прошел мимо помощника, а незадолго перед тем явился в каюту капитана и взял там письменные принадлежности, чтобы сделать эти записки. Время от времени я буду продолжать их. Неизвестно, конечно, удастся ли мне передать их миру, но я по крайней мере сделаю попытку. В последнюю минуту я положу рукопись в бутылку и брошу ее в море.

\* \* \*

Случилось происшествие, доставившее мне новую пищу для размышлений. Неужели такие явления дело слепой судьбы? Я вышел на палубу и, не привлекая ничьего внимания, бросился на грудь старых парусов. Размышляя о своей необычной судьбе, я машинально водил дегтярной кистью по краям тщательно сложенного лиселя, лежавшего подле меня на бочонке. Лисель упал на палубу, развернулся, и я увидел, что из моих случайных мазков составилось слово *открытие*.

Я познакомился с устройством корабля. Это хорошо вооруженное, но, по-видимому, не военное судно. Его оснастка, корпус, вся экипировка говорят против этого пред-

huge size and overgrown suits of canvas, her severely simple bow and antiquated stern, there will occasionally flash across my mind a sensation of familiar things, and there is always mixed up with such indistinct shadows of recollection, an unaccountable memory of old foreign chronicles and ages long ago.

\* \* \*

I have been looking at the timbers of the ship. She is built of a material to which I am a stranger. There is a peculiar character about the wood which strikes me as rendering it unfit for the purpose to which it has been applied. I mean its extreme *porousness*, considered independently of the worm-eaten condition which is a consequence of navigation in these seas and apart from the rottenness attendant upon age. It will appear, perhaps, an observation somewhat over-curious, but this wood would have every characteristic of Spanish oak, if Spanish oak were distended by any unnatural means.

In reading the above sentence, a curious apothegm of an old weather-beaten Dutch navigator comes full upon my recollection. 'It is as sure,' he was wont to say, when any doubt was entertained of his veracity, 'as sure as there is a sea where the ship itself will grow in bulk like the living body of the seaman.'

\* \* \*

About an hour ago I made bold to trust myself among a group of the crew. They paid me no manner of attention, and, although I stood in the very midst of them all, seemed utterly unconscious of my presence. Like the one I had at first seen in the hold, they all bore about them the marks of a hoary old age. Their knees trembled with infirmity; their shoulders were bent double with decrepitude; their shrivelled skins rattled in the wind; their voices were low, tremulous, and broken; their eyes glistened with the rheum of years; and their grey hairs streamed terribly in the tempest. Around them, on every part of the deck, lay scattered mathematical instruments of the most quaint and obsolete construction.

\* \* \*

I mentioned, some time ago, the bending of a studding-sail. From that period, the ship, being thrown dead off the wind,

положения. Вообще, я ясно вижу, чем он *не может быть*, но что он есть, невозможно понять. Не знаю почему, но при виде его странной формы, необычайной оснастки, огромных размеров и богатого запаса парусов, простого, без всяких украшений, носа и устарелой конструкции кормы мне мерещится что-то знакомое, что-то напоминающее о старинных летописях и давно минувших веках.

\* \* \*

Корабль выстроен из незнакомого мне материала. Дерево особенное, на первый взгляд совсем не годное для постройки судна. Меня поражает его *пористость* — независимо от ветхости и червоточины, обычной в этих морях. Быть может, слова мои покажутся слишком странными, но это дерево напоминает испанский дуб, растянутый какими-то сверхъестественными силами.

Перечитывая эти строки, я припомнил замечание одного старого опытного голландского моряка. «Это верно, — говаривал он, когда кто-нибудь выражал сомнение в его правдивости, — так же верно, как то, что есть море, где корабль растет, словно человеческое тело».

\* \* \*

Час тому назад я смешался с толпой матросов. Они не обратили на меня ни малейшего внимания и, по-видимому, вовсе не замечали моего присутствия, хотя я стоял посреди толпы. Как и тот человек, которого я увидел в первый раз, все они обнаруживали признаки глубокой старости. Колени их тряслись, плечи сгорбились, кожа висела складками, разбитые старческие голоса шамкали чуть слышно, глаза слезились, седые волосы развевались по ветру. Вокруг них, по всей палубе были разбросаны математические приборы самой странной, устарелой конструкции.

\* \* \*

Упомянув выше о лиселе, я заметил, что он был свернут. С тех пор корабль продолжает свой страшный бег к югу,

has continued her terrific course due south, with every rag of canvas packed upon her, from her truck to her lower studding-sail booms, and rolling every moment her top-gallant yard-arms into the most appalling hell of water which it can enter into the mind of man to imagine. I have just left the deck, where I find it impossible to maintain a footing, although the crew seem to experience little inconvenience. It appears to me a miracle of miracles that our enormous bulk is not swallowed up at once and for ever. We are surely doomed to hover continually upon the brink of eternity, without taking a final plunge into the abyss. From billows a thousand times more stupendous than any I have ever seen, we glide away with the facility of the arrowy sea-gull; and the colossal waters rear their heads above us like demons of the deep, but like demons confined to simple threats, and forbidden to destroy. I am led to attribute these frequent escapes to the only natural cause which can account for such effect. I must suppose the ship to be within the influence of some strong current, or impetuous under-tow.

\* \* \*

I have seen the captain face to face, and in his own cabin — but, as I expected, he paid me no attention. Although in his appearance there is, to a casual observer, nothing which might bespeak him more or less than man, still a feeling of irrepressible reverence and awe mingled with the sensation of wonder with which I regarded him. In stature, he is nearly my own height; that is, about five feet eight inches. He is of a well-knit and compact frame of body, neither robust nor remarkable otherwise. But it is the singularity of the expression which reigns upon the face — it is the intense, the wonderful, the thrilling evidence of old age so utter, so extreme, which excites within my spirit a sense — a sentiment ineffable. His forehead, although little wrinkled, seems to bear upon it the stamp of a myriad of years. His grey hairs are records of the past, and his greyer eyes are sibyls of the future. The cabin floor was thickly strewn with strange, iron-clasped folios, and mouldering instruments of science, and obsolete long-forgotten charts. His head was bowed down upon his hands, and he pored, with a fiery, unquiet eye, over a paper

при кормовом ветре, распустив все паруса от клотов до унтер-лиселей, среди адского волнения, какое не снилось ни одному смертному. Я спустился в каюту, так как не мог стоять на палубе, хотя экипаж судна, по-видимому, не испытывал никаких затруднений. Мне кажется чудом из чудес, что наш громадный корабль не был поглощен волнами. Видно, нам суждено было оставаться на пороге вечности, но не переступать за него. Среди чудовищных волн, в тысячу раз превосходивших самое страшное волнение, какое мне когда-либо случалось видеть, мы скользили, как чайка, и грозные валы вздымались, словно демоны, из пучины вод, угрожая разрушением, но не смея исполнить свою угрозу. В объяснение этого я могу указать лишь одну естественную причину. Надо полагать, что корабль наш двигался под влиянием какого-то сильного течения.

\* \* \*

Я видел капитана лицом к лицу, в его собственной каюте, но, как я и ожидал, он не обратил на меня ни малейшего внимания. Случайный наблюдатель не заметил бы в нем ничего особенного, чуждого природе человеческой, тем не менее я смотрел на него со смешанным чувством удивления, почтения и страха. Он был приблизительно одного со мною роста, то есть около пяти футов и восьми дюймов. Сложен хорошо, стройно, не слишком дюж, не слишком хил. Но странное выражение лица — поразительная, резкая, бьющая в глаза печать страшной, глубокой старости — пробуждало во мне чувство неизъяснимое... Лоб его не слишком изборожден морщинами, но кажется, будто над ним отяготели мириады лет. Серые волосы его — летопись прошлого, серые глаза — Сивиллины книги будущего. Каюта завалена странными фолиантами с железными застежками, испорченными инструментами, старинными, давно забытыми картами. Он сидел, подперев голову руками, и с беспокойством перечитывал какую-то бумагу, по-видимому официальную: я заметил на ней королевскую печать. Он что-то ворчал себе под нос, как первый моряк, которого

which I took to be a commission, and which, at all events, bore the signature of a monarch. He muttered to himself — as did the first seaman whom I saw in the hold — some low peevish syllables of a foreign tongue; and although the speaker was close at my elbow, his voice seemed to reach my ears from the distance of a mile.

\* \* \*

The ship and all in it are imbued with the spirit of Eld. The crew glide to and fro like the ghosts of buried centuries; their eyes have an eager and uneasy meaning; and when their fingers fall athwart my path in the wild glare of the battle-lanterns, I feel as I have never felt before, although I have been all my life a dealer in antiquities, and have imbibed the shadows of fallen columns at Balbec, and Tadmor, and Persepolis, until my very soul has become a ruin.

\* \* \*

When I look around me, I feel ashamed of my former apprehensions. If I trembled at the blast which has hitherto attended us, shall I not stand aghast at a warring of wind and ocean, to convey any idea of which, the words tornado and simoom are trivial and ineffective? All in the immediate vicinity of the ship is the blackness of eternal night, and a chaos of foamless water; but, about a league on either side of us, may be seen, indistinctly, and at intervals, stupendous ramparts of ice, towering away into the desolate sky, and looking like the walls of the universe.

\* \* \*

As I imagined, the ship proves to be in a current — if that appellation can properly be given to a tide which, howling and shrieking by the white ice, thunders on to the southward with a velocity like the headlong dashing of a cataract.

\* \* \*

To conceive the horror of my sensations is, I presume, utterly impossible; yet a curiosity to penetrate the mysteries of these awful regions predominates even over my despair, and will reconcile me to the most hideous aspect of death. It is evident that

я видел, что-то неразборчивое, брюзгливое, на незнакомом мне языке; и хотя я сидел с ним бок-о-бок, голос его слышался мне словно издали.

\* \* \*

Корабль и все, что на нем находится, отмечены печатью старости. Люди бродят по палубе, как тени минувших веков; в глазах их отражается нетерпение и тревога, и, когда они попадаются мне навстречу, озаренные фантастическим светом фонарей, мной овладевает чувство, которого я никогда не испытывал, хотя всю жизнь занимался древностями, блуждая в тени развалин Баальбека, Тадмора, Персеполя, пока душа моя сама не превратилась в развалину.

\* \* \*

Глядя вокруг себя, я стыжусь своих прежних опасений. Если я дрожал от страха, когда ураган сорвал нас с якоря, то что же должен был бы чувствовать теперь, среди этого адского разгула волн и ветра, о котором не дадут никакого понятия слова «смерч» и «торнадо». Вокруг нас — непроглядная черная ночь, хаос темных, без пены, валов, и только на расстоянии мили по обе стороны корабля неясно обрисовываются в зловещей тьме громады льдов — словно бастионы мироздания.

\* \* \*

Как я и думал, корабль увлечен течением, если только можно применить это название к потоку, который мчится с ревом и воем, сокрушая встречные льды, по направлению к югу, с головокружительной скоростью водопада.

\* \* \*

Невозможно передать мой ужас, — однако стремление проникнуть в тайны этих зловещих стран вытесняет даже отчаяние и примиряет меня с самой ужасной смертью. Очевидно, мы лицом к лицу с великим открытием, с тайной,



we are hurrying onwards to some exciting knowledge — some never-to-be-imparted secret, whose attainment is destruction. Perhaps this current leads us to the southern pole itself. It must be confessed that a supposition apparently so wild has every probability in its favour.

\* \* \*

The crew pace the deck with unquiet and tremulous step; but there is upon their countenance an expression more of the eagerness of hope than of the apathy of despair.

In the meantime the wind is still in our poop, and, as we carry a crowd of canvas, the ship is at times lifted bodily from out the sea! Oh, horror upon horror! — the ice opens suddenly to the right, and to the left, and we are whirling dizzily, in immense concentric circles, round and round the borders of a gigantic amphitheatre, the summit of whose walls is lost in the darkness and the distance. But little time will be left me to ponder upon my destiny! The circles rapidly grow small — we are plunging madly within the grasp of the whirlpool — and amid a roaring, and bellowing, and thundering of ocean and tempest, the ship is quivering — O God! and — going down!

*Note.* — The 'MS. Found in a Bottle' was originally published in 1831; and it was not until many years afterwards that I became acquainted with the maps of Mercator, in which the ocean is represented as rushing, by four mouths, into the (northern) Polar Gulf, to be absorbed into the bowels of the earth; the Pole itself being represented by a black rock, towering to a prodigious height.

скрытие которой станет нашей гибелью. Быть может, этот поток влечет нас к Южному полюсу. Надо сознаться, что в пользу этого предположения, при всей его кажущейся нелепости, говорит многое.

\* \* \*

Экипаж беспокойно расхаживает по палубе, но я читаю на лицах скорее надежду, чем равнодушие и отчаяние.

Ветер, как и прежде, дует в корму, и так как все паруса подняты, то по временам корабль буквально взлетает над водою! О, ужас из ужасов! Лед расступается направо и налево, мы бешено мчимся громадными концентрическими кругами вдоль окраины чудовищного амфитеатра, стены которого теряются во тьме. Круги быстро сужаются — мы захвачены водоворотом — и среди рева, свиста, визга океана и бури корабль сотрясается и — о Боже! — идет ко дну!

*Примечание.* «Рукопись, найденная в бутылке», напечатана в 1831 г., и только много лет спустя я познакомился с картами Меркатора, на которых океан впадает четырьмя потоками в полярную (северную) пучину, где исчезает в недрах земли. Сам полюс изображен в виде черной скалы, поднимающейся на громадную высоту.